

ФАТИЧЕСКИЙ РЕЧЕВОЙ ЖАНР И НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В статье рассматривается непрямая коммуникация как формальное и содержательное соединение двух разных языковых единиц — диада из двух языковых сущностей. Непрямая коммуникация делает речь более экономной, дает возможность выразить дополнительные оттенки значения и эмоции. Использование коммуникантами не прямых форм объясняется также стремлением создать приятную и вежливую атмосферу общения, а иногда даже желанием достичь иронического эффекта. Автор определяет основные не прямые формы реализации речевого жанра «поздравление» в украинской, английской и русской речевых культурах.

Ключевые слова: речевого жанр, фатика, непрямая коммуникация, коммуникативная ситуация.

Шлапаков О.С. Фатичний мовленнєвий жанр і непряма комунікація. У статті розглядається непряма комунікація як формальне і змістовне по'єднання двох різних мовних одиниць — диада з двох мовних сутностей. Непряма комунікація робить мовлення більш економічним, дозволяє передавати додаткові відтінки значення й емоції. Використання комунікантами не прямих форм пояснюється також прагненням створити приємну і ввічливу атмосферу спілкування, а іноді навіть бажанням досягти іронічного ефекту. Автор визначає основні не прями форми реалізації мовленнєвого жанру «поздоровлення» в українській, англійській і російській мовленнєвих культурах.

Ключові слова: мовленнєвий жанр, фатика, непряма комунікація, комунікативна ситуація.

Shlapakov O.S. A phatic speech genre and indirect communication. The article is devoted to the problem of indirect communication as a formal and meaningful combination of two different language units — a dyad of two language substances. Indirect communication makes speech more economical and also makes it possible to convey additional shades of meaning and emotions. The use of the indirect forms is also determined by the desire to create a pleasant and polite atmosphere of communication, and sometimes even by the desire for an ironic effect. The author defines the main indirect forms of realization of the speech genre “congratulation” in the Ukrainian, English and Russian speech cultures.

Keywords: speech genre, communicative situation, phatics, indirect communication.

При выборе конкретного способа воплощения интенции адресанта практически никогда не ограничивается прямыми формами ее выражения — ряд мотивов обуславливает обращение автора к **непрямой коммуникации**. В.Г. Гак называет следующие причины употребительности косвенных высказываний: «Они позволяют делать речь более экономной, дают возможность выразить дополнительные оттенки значения, эмоции, аргументированные функции» [4: 572]. Распространенность и употребительность косвенных высказываний в сфере фатической коммуникации объясняется также стремлением создать приятную, вежливую атмосферу общения и (иногда) желанием достичь иронического эффекта [9: 205–209]. Выбор косвенных средств считается также «одним из двух основных приёмов этикетизации» (второй приём этикетизации — повышение статуса партнера и понижение собственного статуса) [7: 113]. Целью данной статьи является

определение роли непрямой коммуникации в реализации речевого жанра «*поздравление*». Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: 1) определить сущность непрямой коммуникации; 2) установить наиболее распространенные не прямые формы реализации речевого жанра «поздравление».

Так, предложение *I beg to congratulate you on that proceeding* является единицей, обладающей значением, которое выражается значениями лексических, грамматических, интонационных компонентов и сводится к следующему: 'я в официальной форме выражаю радость по поводу вашего достижения'. Эту информацию из предложения может извлечь любой носитель языка, использованного для оформления поздравления, благодаря своим лингвистическим знаниям — т. е. знаниям значений слов, синтаксических конструкций, интонационных контуров и других элементов языка, которые закреплены в соответствующих нормативных источниках, кодирующих тот или иной язык (словари, справочники, грамматики и т. д.).

Содержание любого предложения осмысливается и в контексте «совокупного» содержания (значения) коммуникативно-речевого произведения, складывающегося из предикаций в цепях пропозициональных структур в рамках всего текста [2]. В частности, в нашем случае приведённое предложение является составной частью следующего текста: *Well, Eleanor! I beg to congratulate you on that proceeding. Good luck.*

Значению данного текста как закреплённого за соответствующей единицей относительно стабильного во времени и инвариантного содержания, знание которого входит в знание данного языка, можно противопоставить связанный с рассматриваемой единицей информации смысл, который со временем меняется и варьируется в зависимости от параметров коммуникативной ситуации.

К примеру, И.М. Кобозева разграничивает значение и смысл следующим образом: **значение** *X-a* — это информация, связываемая с *X-ом* конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования *X-a* в качестве средства передачи информации; **смысл** *X-a для Y-a в T* — это информация, связываемая с *X-ом* в сознании *Y-a* в период времени *T*, когда *Y* производит или воспринимает *X* в качестве средства передачи информации [8: 13].

При этом исследовательница подчёркивает, что смысл — «это не только и не столько та информация, которая закодирована теми или иными языковыми средствами, но вся та информация, которая может быть передана с его помощью (с помощью высказывания — О. Ш.) и быть извлечена из него благодаря знанию коммуникантов о мире, друг о друге, о ситуации общения и т. п. не собственно лингвистическим знаниям» [8].

Высказанное и подобные исследовательские наблюдения позволяют утверждать, что для выведения результирующего смысла высказывания недостаточно значений и значимостей конвенциональных знаков; для получения истинного результата необходимо привлечение всех без исключения (в том числе и дополнительных) источников смысла. Значение в ряде случаев

является составной частью смысла; это имеет место тогда, когда речь идёт о прямой коммуникации, т. е. о плане содержания жанровой реализации, выражаемом значениями её компонентов, зафиксированными в словаре и других кодифицирующих язык источниках. Коммуникация будет являться прямой в случае соответствия формуле $V=A+C$, где A – значение, V – смысл, C – добавочная имплицитная информация, которую жанровая реализация приобретает в том или ином контексте (ситуации, дискурсе), причём $A > C$. Переменную CAI . Смирницкий определил как «сверхязыковой остаток», понимаемый как информацию, для передачи которой система языка не располагает специальными лексическими и грамматическими средствами, но которая тем не менее передаётся в речи на этом языке. Сверхязыковой остаток представляет универсальную речевую категорию, охватывая «<...> все творческие моменты речевого поведения людей в части создания, выбора, соединения, нового применения языковых единиц. В результате всё, что отсутствует в системе, способно компенсироваться в речевой деятельности» [3: 44].

Сверхязыковой остаток может быть различного характера. Так, М. Ю. Федосюк выделяет три вида имплицитного содержания: **притекстовое содержание; подтекстовое содержание; текстовое имплицитное содержание** [10: 12–13].

Проанализированный нами материал даёт основания утверждать, что в поздравительных жанрах речи, функционирующих в современных восточнославянских языках, обнаруживается имплицитная информация всех трёх означенных разновидностей. Например, в приводимом далее поздравительном тексте имплицитно присутствует притекстовая информация: *Люба мамо. Вітаю тебе, моя ріднесенька, з днем народження та бажаю тобі, моя красунечко, здоров'я на довгі літа!* (содержание ‘я тебя уважаю, люблю и считаю красавицей’ выведено из текста, хотя его передача, по всей вероятности, не входила в коммуникативные намерения отправителя).

Рассмотрим в означенном аспекте ещё один поздравительный текст: *Дорогие друзья! С наступающим Новым годом! Новых партнёров! Новых успешных проектов! Новых доходов! Безопасности и своевременности платежей! С новогодними и рождественскими поздравлениями! Приватбанк – в скрытые коммуникативные намерения автора текста, по всей очевидности, входит и информация примерно такого содержания: ‘основой для реализации всех этих пожеланий является сотрудничество с нами, поскольку именно мы можем предоставить вам высококвалифицированные банковские услуги’, что можно квалифицировать как **подтекстовое имплицитное содержание**.*

В приводимом далее поздравительном тексте наличествует текстовое имплицитное содержание – ср.: *Поздравляем с началом рабочей недели. Пополните счет – подготовьтесь к деловым разговорам. УМС желает вам удачных дел,* – поздравление и пожелание как составляющие поздравительного текста в данном случае являющиеся только поводом для сообщения информации, прежде всего интересующей мобильного оператора: ‘напоминаем, что для совершения звонков в течение недели вам необходимо / желательно

пополнить ваш счет»; – именно эта информация и заключает в себе ключевое коммуникативное намерение отправителя текста, которое оформлено таким образом, чтобы непременно быть воспринятым адресатом.

Приведённые примеры подтверждают, что «совокупное содержание текста» представляет собой комплексный феномен, который объединяет в себе содержание всех видов, присущее конкретному коммуникативно-речевому образованию (тексту). Соответственно сколько-нибудь адекватно воспринять смысл любой речежанровой реализации, в том числе и поздравительной, возможно лишь с учётом как имплицитно, так и эксплицитно присутствующей в ней информации.

Согласно концепции В.В. Дементьева, жанровые реализации с притекстовым и подтекстовым содержанием представляют непрямую коммуникацию (далее – НК), смысл которых является продолжением их буквального (то есть «прямого») смысла («НК-1») [6]. Мы же, основываясь на формуле $A > C$, полагаем, что рассмотренные случаи в сфере поздравительного дискурса можно квалифицировать и как проявления прямой коммуникации, так как главной коммуникативной функцией в этом случае является именно выражение поздравления.

В то же время поздравительные речевые жанры с текстовым имплицитным содержанием следует, на наш взгляд, рассматривать как непрямую коммуникацию, так как ключевой коммуникативной целью в них, как правило, является просьба, настойчивое пожелание и под., а не поздравительная интенция.

В.В. Дементьев подобные жанровые реализации относит к разновидности непрямой коммуникации (НК-2), которая, по мнению исследователя, представлена текстами, предполагающими создание смыслов, не вытекающих непосредственно из текста. «НК-2 отменяет или заменяет прямой (буквальный) смысл. Очевидно, что о текстах, прочтение которых предполагает полную отмену буквального смысла, можно говорить лишь как о научной абстракции, своего рода идеале» [6: 42–43]. Основываясь на приведённом положении, можно утверждать, что непрямая коммуникация будет иметь место в случаях, соответствующих формуле $B=C$, когда совокупное значение текста не входит в результирующий смысл жанровой реализации.

Ф.С. Бацевич, используя несколько иную терминологию, выделяет в речевом жанре **априорный** коммуникативный смысл, противопоставляя ему **апостериорный**. Обобщённую информацию в пределах конкретного типичного замысла Ф.С. Бацевич отождествляет с априорным жанровым коммуникативным смыслом: «В пределах коммуникативного жанра узуальный (априорный) коммуникативный смысл проявляется как коммуникативные навыки построения типичного речевого жанра с типичной для него интенцией в конкретной конситуации общения (адресант) и обычного восприятия именно этого коммуникативного смысла адресатом» [1: 86]. Таким образом, априорный коммуникативный смысл представляет собой прямую коммуникацию в чистом виде, которая ещё не прошла сквозь «призму» конкретной ситуации общения, в то время как «окказиональный (апостериорный)

коммуникативный смысл возникает как результат влияния многих факторов, прежде всего связанных с личностью адресата, способом организации языкового кода, конституацией, состоянием и организацией канала коммуникации и т. п.» [1: 88]. По мнению Ф.С. Бачевича, апостериорные коммуникативные смыслы адресата не совпадают с апостериорными коммуникативными смыслами адресанта в случае непрямого использования последним речевого жанра.

Учитывая конвенциональный характер связи между формой и содержанием внутри одного знака, логично предположить, что характер непрямого общения определяет связь означающего одного знака и означаемого другого знака. Следовательно, косвенность – это формальное и содержательное соединение двух разных языковых единиц, которое В.В. Дементьев назвал «диадой из двух языковых сущностей» – например, сообщение – просьба (*Мне не дотянуться до форточки, а её стоит закрыть*); вопрос – просьба (*Не могли бы вы открыть окно?*); прямое – переносное значение слова (троп) и др. [6: 62]. **Диады**, по его мнению, – **базовые единицы непрямого коммуникации**. Исследователь отмечает близость диад и языковых знаков, поскольку обоим присущи: 1) двусторонность (означающее ≠ означаемому); 2) произвольность (обеспечивает бесконечность диад) [6].

Исследователи отмечают, что наиболее существенными для непрямого общения являются такие факторы, как осложнённая **интерпретативная деятельность адресата, неконвенциональность, ситуативная обусловленность, креативность** [6: 4].

Эти параметры отчётливо обнаруживаются, в частности, во многих обрядовых восточнославянских поздравлениях – ср., к примеру:

Перепиваю мірку гороху, щоб мали хлопця до року!

Перепиваю вам рубля, щоб мали сина Василя!

Перепиваю вам тую корову, що порпає полу (поздравления молодоже-нам).

Приведённые поздравления использовались (отчасти эта традиция сохранилась и сегодня) во время послесвадебного обряда, носившего название «перепій» или «пропій», который имел место во многих славянских землях. Родители невесты (молодой) приезжали в соответствии с этим обрядом к сватам, где в застолье и произносились подобные поздравления (в качестве одного из тостов). В этих поздравлениях налицо неконвенциональность, закреплённость за конкретной обрядовой ситуацией, творческое авторское начало, т. е. все признаки, обуславливающие обращение к не прямой форме коммуникации.

НК, с одной стороны, создаёт свободу для деятельности (интерпретативной), с другой – является регламентируемой, содержащей свои правила и стереотипы. Последнее качество проявляется в том, что НК, как и коммуникация в целом, всегда осуществляется в рамках речевых жанров.

Так, высказывание: *I'm really sorry, I forgot your birthday. Does this mean I still have to buy you a present?* – являясь по форме фатическим жанром, ухудшающим межличностные отношения в прямой форме, воспринимается

адресатом как косвенное поздравление, т. е. свобода интерпретации НК в то же время весьма строго регламентируется определёнными правилами.

При рассмотрении диадного характера непрямого коммуникации наиболее актуальными являются вопросы о членах диад и их взаимных отношениях. К числу наиболее распространённых диад, лежащих в основе формирования косвенных поздравительных жанров, принадлежат: 1) признание — поздравление; 2) совет — поздравление; 3) напутствие — поздравление; 4) сообщение — поздравление. Анализ материала показал относительно большое разнообразие диад в украинском и русском языках по сравнению с английским и французским языками: предложение — поздравление; кодекс законов — поздравление; обрядовый диалог — поздравление; предупреждение — поздравление; рекомендация — поздравление и др. Вслед за В.В. Дементьевым, мы позволим себе утверждение, что «количество диад бесконечно (как бесконечен язык)» [5: 43], поэтому определить конечное число диад с коммуникативной целью поздравления нам не представляется возможным.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бацевич Ф.С.** Лінгвістична генологія : проблеми і перспективи / Ф.С. Бацевич. — Львів : Паїс, 2005. — 264 с.
2. **Богин Г.И.** Речевой жанр как средство индивидуации / Г.И. Богин // Жанры речи. — Саратов : Колледж. — 1997. — С. 12–22.
3. **Борухов Б.Л.** Речь как инструмент интерпретации действительности : (Теорет. аспекты) : дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского / Борис Львович Борухов. — Саратов, 1989. — 190 с.
4. **Гак В.Г.** Языковые преобразования / В.Г. Гак. — М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. — 768 с.
5. **Дементьев В.В.** Вторичные речевые жанры (онтология непрямого коммуникации) / В.В. Дементьев // Жанры речи. Вып. 2. — Саратов : Колледж. — 1999. — С. 33–49.
6. **Дементьев В.В.** Непрямая коммуникация и её жанры / В.В. Дементьев. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. — 248 с.
7. **Карасик В.И.** Язык социального статуса / В.И. Карасик. — М. : Гнозис, 2002. — 333 с.
8. **Кобозева И.М.** Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
9. **Сёрль Дж.** Косвенные речевые акты / Дж. Сёрль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. — М. : Прогресс, 1986. — С. 195–222.
10. **Федосюк М.Ю.** Неявные способы передачи информации в тексте : Учеб. пособие по спецкурсу / М.Ю. Федосюк. — М. : МГПИ, 1988. — 82 с.